

со стереотипами. Они могут использоваться для создания эффекта нейтральности или носить слегка тёплую эмоциональную окраску для того, чтобы читатель непреднамеренно дружелюбно относился к персонажу. Вводная фраза “as I stepped into (the school building, schoolyard)” встречается в 70 % нарративов, а “throughout the day” прослеживается в 84 % случаев. Также часто в конце повествования нейросеть использует фразу “reflecting on (my first day at school, this experience)”, — наблюдается в 46 % историй. Учитывая все эти факторы, можно сказать, что нарративы в рамках постоянно развивающегося контекста, формируемого уточнением запросов, разнообразны; однако по сравнению друг с другом они лишены оригинальности.

Заключение. В ходе анализа целевой выборки данных в рамках педагогических нарративов, созданных искусственным интеллектом, была установлена корреляция характеристик, лежащих в основе проявления различных типов персонажей. Было обнаружено, что наиболее часто встречающимися типами персонажей, окружающих главных героев в педагогических нарративах, сгенерированных ИИ, являются “pure-type individual” и “individual-like type”. Исследование выявило отношение типов персонажей главных героев: 86 % “type-like individual” к 14 % “individual-like type”. Также были определены общие тенденции, включая шаблонности в структуре, языке и стиле повествования, выборе имён и тем нейросетью при генерировании контента.

Список цитируемых источников

1. *Fishelov, D. Metaphors of Genre: The Role of Analogies in Genre Theory* / D. Fishelov. — University Park : Penn State University Press, 1993. — P. 422—436.
2. *Mayes, C. Archetype, Culture, and the individual in education: The three pedagogical narratives* / C. Mayes. — Routledge, 2020. — P. 73—75.
3. *Li, J. What does artificial intelligence generated content bring to teaching and learning? A literature review on AIGC in education* / J. Li, S. Zhu, H. H. Yang, J. Xu. — 2024. — P. 18—23.
4. *Denny, P. Can We Trust AI-Generated Educational Content? Comparative Analysis of Human and AI-Generated Learning Resources* / P. Denny, H. Khosravi, A. Hellas, J. Leinonen, S. Sarsa. — 2023. — P. 1—12.
5. *Namilae, A. Comparing the effectiveness of Chat GPT and teacher-generated content for teaching students* / A. Namilae, J. Leddo // *International Journal of Social Science and Economic Research*. — 2024. — Vol. 9, № 7. — P. 2554—2564.

УДК 82.09

И. С. Криштоп

*Учреждение образования «Барановичский государственный университет»,
Барановичи, Республика Беларусь, inessa_top@mail.ru*

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПАФОС ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Формирование экологического мировоззрения невозможно рассматривать вне его художественного воплощения. Целью статьи выступило определение специфики реализации дидактического пафоса в современной экологической прозе. Представляются разные точки зрения на понятие пафоса как литературоведческой категории, отражающей эмоционально-оценочное отношение к миру. Установлено, что дидактический пафос в современной прозе концентрируется вокруг конфликта человека и природы. Также в произведениях присутствуют элементы эгоцентрической эстетики, противопоставленной идеям антропоцентризма.

Ключевые слова: пафос; экологический императив; экологическое сознание; литературный процесс.

I. S. KryshTOP

Institution of Education “Baranavichy State University”, Baranavichy, the Republic of Belarus, inessa_top@mail.ru

THE DIDACTIC PATHOS OF ECOLOGICAL PROSE

The formation of ecological worldview cannot be considered over and above its artistic realization, so the aim of this article is to identify the specificity of the reflection of didactic pathos in modern fiction. Different points of views on the definition of pathos as the literary category reflecting emotional and evaluative attitude to the world are presented in the article. It has been established that didactic pathos in modern prose concentrates on the conflict between man and nature. Also the elements of ecocentric aesthetics opposed to the ideas of anthropocentrism are typical for ecocfiction.

Key words: pathos; ecological imperative; ecological consciousness; ecocriticism; literary process.

Введение. Акцентирование экологической проблематики в произведениях художественной литературы на рубеже XX — начала XXI веков является своеобразным культурным «знаком», свидетельствующим о конфликте «двух природ человеческого окружения — исконной и «второй» — технологической» [1]. Горький опыт экологических катастроф, неразумное использование технического прогресса, просчеты в высокотехнологичных системах и разрушительные человеческие амбиции становятся предметом художественного осмысления авторов — представителей различных культур.

Белорусский литературовед М. А. Тычина точно подмечает, что экологическая катастрофа стимулировала «размышления писателей над тем, что происходило в течение всего XX века, пробудила интерес к глубоко спрятанному, самому существенному» [2, с. 36]. Более того, нельзя не согласиться с мыслью ученого о том, что «ничего нет опасней в век атома, чем подмена ценностей» [2, с. 38]. Поэтому для писателей особенно значимым является не простая фиксация фактов, а формирование такой системы ценностей, в которой наряду с материальными, культурными, технологическими, социально-этическими и другими традиционными антропоцентрическими приоритетами, ценность природы является центральной.

Целью данной работы выступает определение специфики дидактического пафоса, представленного в литературном творчестве на рубеже XX—XXI веков.

Материалом для исследования выступили работы в области экокритики Л. Купа, К. Лоренца, Дж. Бейта и других, а также художественные произведения англоязычных авторов рубежа XX—XXI веков.

Основная часть. При анализе художественной идеи важны как понимание отображенной жизни, так и ее оценка. Однако «оценочный (ценностный) аспект идеи, утверждение или ниспровержение идеала обнаруживается прежде всего в пафосе», которым «порождается энергетика художественного мира, осуществляется эмоциональное воздействие на читателя» [3]. А. Н. Андреевым пафос определяется как «стусок, ядро определенного мировоззрения», «тип эмоционально-оценочного, идеологического отношения к миру» [4, с. 85]. В издании «Теория литературы» литературоведческая категория рассматривается как «всеобъемлющая характеристика художественного целого <...>, тот или иной строй эстетической завершенности, предполагающий не только соответствующий тип героя и ситуации, авторской позиции и читательского восприятия, но внутренне единую систему ценностей и соответствующую ей поэтику» [5, с. 55]. Таким образом, пафос указывает на не только ведущий эмоциональный тон художественного произведения, но и его идейную направленность.

В соответствии с концепцией, представленной в «Новейшем философском словаре» на современном этапе отношения человека и природы характеризуются диалогичностью, основу которой составляет «гармония человека и природы» [6, с. 800], что, на наш взгляд, все же противоречит объективной реальности. Несомненно, успехи человека в освоении новых сфер сопровождаются усилением его тревоги и заботы о состоянии окружающей среды. Однако необходимо принять и тот факт, что до сих пор как в жизни, так и гуманитарных науках доминирующим является предпочтение культуры природе.

Тем не менее во второй половине XX века наряду с философией и историей, этикой и социологией, литературоведение становится той гуманитарной дисциплиной, которая, «осознав» глубину разрастающегося экологического кризиса, концентрируется на исследовании художественных произведений, в которых авторы представляют возможные решения проблем окружающей действительности, разрабатывают принципы взаимоотношений концептуализируют рациональное сосуществование субъектов и объектов окружающего мира. Научные работы Л. Бьюэла, Р. Карсон, Т. Кларка, Ш. Глотфелти, В. Уиллер, П. Марланд и многих других ученых указывают на то, что главным обстоятельством развития литературных экоконцепций является проявление экологического сознания, под которым понимается ориентированность писателей на экологическую целесообразность, отсутствие противопоставленности человека и природы, отказ от иерархической картины мира, восприятие природы как равноправного субъекта, распространение этических норм и правил как на взаимодействие людей, так и их отношение к окружающей среде. Кроме того, осознание вызовов техногенной цивилизации ориентирует авторов произведений на активный поиск новых художественных пространств, ракурсов и мотивов. Соответственно, экологическая проза может быть определена как совокупность произведений, идейно-содержательную основу которых образуют авторские представления о существующих и/или возможных связях человека с окружающей средой и происходящих в ней процессах.

Примечательно, что экология в современных художественных произведениях представлена в самом широком идейно-содержательном спектре: мировоззренческом, экономическом, политическом, культурно-историческом, этическом, научно-техническом. Поэтому в экологической прозе рубежа XX—XXI веков можно выделить:

1. Произведения, повествующие о результатах одновременного регресса/уничтожения человеческой цивилизации и окружающей среды в результате катастрофы — ядерного взрыва, генетической мутации или иного опасного химического, биологического, социального «изобретения» или «эксперимента» техногенной

цивилизации. Не менее важным фактором становится нравственная деградация человека. Соответственно, художники слова ставят своей задачей — предостеречь людей от чрезмерного увлечения материальными благами, которое ведет к уничтожению окружающей среды в условиях постиндустриального общества.

Например, катастрофа и ее влияние на дальнейшее существование окружающей среды становятся основной темой размышлений в романе О. Батлер «Притча о сеятеле» (*Parable of the Sower*, 1993) и его продолжении «Притча о талантах» (*Parable of the Talents*, 1998). На идейно-содержательном уровне книги сосредоточены на том, как, с одной стороны, сохранить жизнь в результате экологического катаклизма, с другой — не утратить человеческую идентичность из-за социальных, психологических и иных манипуляций. Автор призывает предпринять меры для сохранения места жительства для будущих поколений, а не грезить о далеких планетах: “The country is bleeding to death in poverty, slavery, chaos, and sin. This is the time for us to work for our salvation, not to divert our attention to fantasy explorations of extrasolar worlds” [7]. Следует подчеркнуть тот факт, что действие в романах происходит в будущем, однако О. Батлер с помощью местоимения первого лица *us* ‘нас’ обращается к современному читателю, тем самым указывает на возможность совместного предотвращения многих экологических проблем, но следует начинать сегодня. В конце романа О. Батлер «Притча о талантах» утверждает право каждого человека выбирать тот путь, который соответствует его этическим и эстетическим ценностям: “We can choose: We can go on building and destroying until we either destroy ourselves or destroy the ability of our world to sustain us” [8]. Модальный глагол в настоящем времени *can* ‘можем’ также отражает оптимизм автора и его веру в способность человека осознать и следовать принципам устойчивого развития мира.

Не менее интересна позиция современного прозаика К. С. Робинсона, который помещает героев романа «Министерство будущего» (*Ministry for the Future*, 2020) в зону «предварительной истории»: сдвиг от реальных пространственно-темпоральных координат в будущее от времени создания бестселлера составляет всего три года. В первой главе автор описывает результаты стремительного повышения температуры, которое случилось в одном из районов Индии: “Ordinary town in Utter Pradesh, 6 AM. He looked at the phone: 38 degrees. <...> Electricity gone. Brownout, or blackout. <...> The heat wave is supposed to last awhile longer. <...> The thermometer now said 42 degrees, humidity 60 per cent <...> People were too hot and thirsty to make any fuss, even when their children died. <...> People were dying faster than ever. <...> Everyone was dead” [9]. В последующих главах повествуется об учреждении в 2025 году новой организации с целью сохранения Земли для потомков. В целом по мере развития сюжета писатель создает мир, в котором бюрократы, экотеррористы (неологизм автора), беженцы, ученые, фермеры и простые люди совместными усилиями пытаются спасти Землю, которая находится на грани климатического апокалипсиса, обусловленного чрезмерным потреблением ресурсов и, соответственно, загрязнением атмосферы. Описанный в 94 главе глобальный климатический саммит становится точкой перехода от трагического к жизнеутверждающему тону в повествовании.

В романе «Министерство будущего» писатель обращается к реально существующим международным документам, призванным регулировать деятельность правительств в области рационального потребления природных ресурсов. Так, упоминается Парижское соглашение о сокращении выбросов парниковых газов, подписанное многими странами в 2015 году: “...shall make the decisions necessary to promote the Agreement’s effective implementation by establishing such subsidiary bodies as are deemed necessary to for the implementation of the Agreement” [9]. Однако К. С. Робинсон подчеркивает то, что обязательства, к сожалению, не выполняются: “Reduction in emissions ignored, payment into investment funds that were to be spent on decarbonization not paid — in every way the Agreement had been ignored and abrogated. <...> No one had the heart to point out that India had also failed to meet its emission reduction targets” [9]. В целом концепция будущего в романе утверждает идею взаимообусловленности двух уровней: будущее природы и будущее социально-экономического устройства людей не отделимы.

2. Произведения, идейно-содержательную основу которых составляет утверждение о слабеющей роли природной саморегуляции и, следовательно, возрастающей ответственности человека за всю систему на планете Земля. Для таких произведений характерны историческая точность и конкретность примет реального времени, использование ретроспекции для установления причин кризисных состояний.

Например, действие романа Дж. Оффилл «Погода» (*Weather*, 2020), повествование в котором ведется от лица библиотекаря, происходит в 2010-х годах. Автор описывает «беспокойную» семейную жизнь Лиззи Бенсон, при этом женщина берет на себя обязанность отвечать на письма, приходящие на почту подкаста про экологию. Она пытается «спасти» всех, кто обращается к ней за помощью, «используя» сочувствие, совесть бескорыстность [10]. В произведении окружающая среда присутствует не только в качестве фона или рамки, а становится частью этико-эстетической концепции, в основе которой — размышления о взаимоотношениях человек-природа (защита биоразнообразия, экологический баланс и экологический след, загрязнение, изменение климата и т. д.). В целом роман «Погода» даёт

представление об этических и социальных последствиях экологического кризиса, отраженного сквозь призму текущих экономико-политических условий: “What will disappear from stores first? What is surveillance capitalism? How can we save the bees?” [11]. В книге акцентируется тот факт, что повседневная жизнь отдельного человека и глобальные экологические угрозы абсолютно взаимосвязанные феномены, требующие от человека ответственного отношения.

Еще в 1979 году Г. Йонас в издании «Принцип ответственности», представляя комплексную оценку последствий научно-технического прогресса вплоть до возможности исчезновения человека как биологического вида, на основе идей И. Канта формулирует экологический императив: «...действуй так, чтобы последствия твоих действий были совместимы с непрерывностью полноценной человеческой жизни на земле» [12]. С одной стороны, автор указывает на важность неуклонного соблюдения ограничений в потреблении природных ресурсов, с другой — особую осмысленность социальных и экологических преобразований, вызванных вмешательством человека в природу. При этом П. В. Васюченко призывает использовать понятие «экологический императив» при анализе современного литературного процесса, так как оно, объединяя природоохранные и моральные максимы, может стать важным инструментом в изучении исторических вех концептуализации природы, определении функций природных конструктов, а также их эффекта для сохранения и приумножении духовных ценностей, возвращение к забытым реликвиям, святыням, идеалам, нормам гармоничного существования [13, с. 317], уточнении способов метафоризации природы в художественном тексте.

Заключение. Единым для экологически ориентированных художественных произведений является то, что авторы указывают на необходимость восстановления утраченных взаимосвязей в системе «человек—окружающая среда», т. е. произведения пронизаны дидактическим пафосом, который стимулирует проникновение экоцентрической парадигмы ценностей в художественную литературу. Переход от материального к духовному, иерархичности к равноправию, антагонистичности к гармонии составляет идейно-тематическую основу художественного мира произведений, отразивших как последствия экологического апокалипсиса, так и повествующих о возможном конце привычного уклада жизни.

Список цитируемых источников

1. *Гаков, Вл.* Четыре путешествия на машине времени (научная фантастика и ее предвидения) / Вл. Гаков. — М. : Знание, 1983. — 192 с. — URL: https://royallib.com/book/gakov_vladimir/chetire_puteshestviya_na_mashine_vremeni_nauchnaya_fantastika_i_ee_predvideniya.html (дата обращения: 12.09.2024).
2. *Тычына, М. А.* Ад «антрапалагічнага крызісу» да «антрапалагічнага пераходу» / М. А. Тычына // Чалавечая вымерэнне ў сучаснай беларускай літаратуры / М. А. Тычына [і інш.] ; навук. рэд. М. А. Тычына ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. — Мн. : Беларус. навука, 2010. — С. 22—168.
3. *Хомякова, О. Р.* Пафос / О. Р. Хомякова // Теория литературы : учеб. пособие для студентов вузов / О. Р. Хомякова. — Мн. : РИВШ, 2013. — 359 с. — URL: <https://elib.bspu.by/bitstream/doc/12816/1/%D0%9F%D0%B0%D1%84%D0%BE%D1%81.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
4. *Андреев, А. Н.* Теория литературы : учебник : в 2 ч. / А. Н. Андреев. — Мн. : Изд-во Гревцова, 2010. — Ч. 1 : Художественное произведение. — 200 с.
5. *Тюпа, В. И.* Типы эстетического зваершения / В. И. Тюпа // Теория литературы : учеб. пособие для студентов филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. — М. : Академия, 2004. — Т. 1 : Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — С. 54—56.
6. *Барковская, А. В.* Природа / А. В. Барковская // Новейший философский словарь. — 2-е изд., переработ. и дополн. — Мн. : Интерпресервис, Книжный Дом, 2001. — С. 799—800.
7. *Butler, O.* The Parable of the Sower / O. Butler. — New York : Open Road Integrated Media, 2012. — URL: <https://ru.b-ok2.org/book/2664357/1c118f/> (date of access: 11.04.2024).
8. *Butler, O.* The Parable of the Talents / O. Butler. — URL: <https://libcat.ru/knigi/starinnaya-literatura/218608-butler-octavia-parable-of-the-talents.html> (date of access: 14.03.2024).
9. *Robinson, K. S.* The Ministry for the Future / K. S. Robinson. — New York : Orbit, Hachette Book Group, 2020. — URL: https://vk.com/wall-193617982_2001 (date of access: 14.06.2024).
10. *Offill, J.* Weather / J. Offill. — URL: <https://www.yumpu.com/xx/document/view/64299856/weather-pdf-new-best-seller> (date of access: 11.06.2023).
11. *Jarrar, S.* The peril of climate change in Jenny Offill’s Weather (2020) / S. Jarrar // Journal of World Englishes and Educational Practices. — 2024. — № 6. — P. 45—50.
12. *Йонас, Г.* Принцип ответственности / Г. Йонас // Книжный архив. — URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/philosophy/printsip_otvetstvennosti/doc (дата обращения: 12.10.2024).
13. *Васючэнка, П. В.* Беларуская экалітаратура на фоне еўрапейскага літаратурнага працэсу / П. В. Васючэнка // Паэтыка літаратурных сувязей / У. В. Гніламедаў [і інш.] ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч. — Мн. : Беларус. навука, 2017. — С. 317—363.